

АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ THE UTRECHT-MANAGEMENT OF IDENTITY COMMITMENTS SCALE-PARENTAL IDENTITY (U-MICS-PI) ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ РОДИТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ю.В. Борисенко

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

Аннотация. В данной статье изложены результаты исследования, целью которого была апробация и адаптация англоязычной методики исследования процессов родительской идентичности личности The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale-Parental Identity (U-MICS-PI), созданной в 2018 году Конрадом Пиотровски. Описаны особенности перевода, адаптации и апробации методики, даны рекомендации по использованию опросника в практике. **Материалы и организация.** В нашем исследовании приняли участие 82 испытуемых: 42 женщины и 40 мужчин в возрасте от 25 до 56 лет ($M = 37,12$; $SD = 2,80$). Результаты методики сравнивались с результатами методики «Шкала измерения процессов идентичности К. Льюикса». **Результаты.** Статистический анализ полученных данных позволяет сделать вывод о достаточной достоверности и надежности методики. Методика исследования процессов родительской идентичности личности The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale-Parental Identity (U-MICS-PI) (в русскоязычном варианте «Утрехтская шкала исследования процессов родительской идентичности (в модификации К. Пиотровски)») успешно апробирована на российской выборке и может быть применена в практике психологического консультирования и для дальнейших исследований в области идентичности. **Рекомендации.** Представленные материалы могут быть использованы в семейном психологическом консультировании, а также в рамках исследования родительской идентичности.

Ключевые слова: *идентичность, родительская идентичность, методы исследования, U-MICS-PI.*

Введение

Традиционно исследователи, изучающие формирование идентичности, фокусируют свое внимание на формировании идентичности в таких сферах жизни, которые являются центральным местом в жизни взрослого человека [1]: например, исследования профессиональной идентичности¹ и реляционная идентичность в контексте взаимоотношений с партнером [2] либо проблемы взаимосвязи идентичности и психопатологии [3, 4]. Результаты таких исследований свидетельствуют о том, что обязательства идентичности, принятые в этих различных областях, положительно, но не сильно связаны друг с другом². Таким образом, вполне возможно, что

человек может иметь очень твердые нравственные убеждения, но в то же время у него могут возникнуть значительные проблемы с принятием обязательств в профессиональной сфере или сфере отношений. Также было обнаружено, что формирующееся во взрослом возрасте чувство взрослости связано с принятием решения относительно обучения и профессиональной реализации личности, но не связано с принятием решений в сфере отношений (отношения с партнером или лучшим другом), в то время как симптомы депрессии в значительной степени связаны со сферой отношений, так же как и с профессиональной идентичностью [5]. Это приводит нас к выводу о том, что исследования, развивающие научное знание в направлении изучения специфики идентичности в различных сферах жиз-

¹ Skorikov V.B., Vondracek F.W. Occupational identity. In S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles (eds.), Handbook of Identity Theory and Research. Springer Science+Business Media. 2011. P. 693–714.

² Schwartz S.J., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz (2001): A reappraisal

of the field of identity development. In K. C. McLean & M. Syed (Eds.), Oxford library of psychology. The Oxford handbook of identity development. 2015. P. 539–561. Oxford University Press.

ни (доменно-специфической идентичности), имеют первостепенное значение в условиях перманентных трансформаций условий и среды жизни человека в настоящее время. Несмотря на то, что исследователи сосредоточили свое внимание на различных областях идентичности во взрослости, в настоящее время наблюдается почти недостаточная изученность идентичности в одной из наиболее важных сфер функционирования личности в этот период взрослости – родительстве.

Исследования родительской идентичности встречаются редко. T.W. Mauger, J.H. Pleck и T.R. Rane определили родительскую идентичность как степень, в которой индивид считает родительскую сферу важной для себя [6]. J. Pleck и соавторы опирались на идею о том, что собственная родительская идентичность может быть определена только в тесной взаимосвязи с оценкой своего партнера как родителя и с представлением об оценке себя как родителя в глазах супруга. Они выделили два полюса родительской идентичности: родительская идентичность в роли кормильца (провайдерская) и родительская идентичность в уходе за ребенком (воспитательно-ухаживающая). Оба эти полюса представлены в родительской идентичности как мужчины, так и женщины.

Это подход, который ориентирован на значимость родительской идентичности или принятие решения о выполнении родительской роли, является наиболее широко распространенным и широко используется в научных, особенно в социально-психологически ориентированных исследованиях. Исследователи в этой области обычно воспринимают идентичность одномерно, сравнивая субъективную значимость родительской роли со значимостью других принятых взрослыми ролей (профессионала или супруга) [7]. Результаты подобных исследований показывают, что прежде всего будущая родительская роль субъективно важна для формирования идентичности личности, особенно для женщин [8, 9]. Во взрослости, когда испытуемые уже являются родителями, значимость родительской роли ассоциируется у них с их повседневным функционированием и с их физическим здоровьем [7].

Обнаружено, что значимость родительской идентичности в самооценке родителей была связана с эмоциональным включением в родительскую роль, а также с необходимостью выполнения родительских функций [7]. В его

исследовании родители (как матери, так и отцы), которые были значительно включены в свои родительские роли, как оказалось, более уязвимы к таким нагрузкам, чем менее включенные родители. Кроме того, S.K. Williams и F.D. Kelly выяснили, как включенность родителей может способствовать как большему психическому здоровью, так и более здоровому образу жизни детей-подростков. Оказалось, что и материнское, и отцовское участие отрицательно связано с интернализацией и экстернализацией симптомов психических расстройств у подростков [10].

Однако хотя данные исследования расширяют наше понимание родительства, но они акцентируют и ограничивают внимание в основном на важности родительской роли, опять оставляя без внимания внутренний мир родителя, динамику развития родительской идентичности личности. Одним из способов преодоления этих ограничений может быть изучение родительской идентичности и ее формирования в рамках многомерного подхода, в том числе исследование процессов родительской идентичности. В работе P. Fadjukoff с соавторами [11] родительская идентичность определена как «идентичность личности как родителя», что в соответствии с неозриксоновским подходом может быть описано через процессы осознанного принятия решения о родительстве и глубинного поиска в сфере проблем воспитания детей. С этой точки зрения эти авторы открывают новое направление в исследовании родительской идентичности, отходя от одномерного подхода и рассматривая проблематику родительской идентичности в рамках парадигмы статуса идентичности, что позволяет использовать методологический аппарат теории статусов идентичности для анализа родительской идентичности личности. Используя данные, полученные с помощью интервью Дж. Марсиа [12], определено, что идентичность в сфере родительства характеризуется значимым фокусом на принятии решения (большинство участников имели достигнутую идентичность либо предпринятую, так как не имели возможности выбора). Кроме того, установлено, что достигнутая родительская идентичность (принятие на себя обязательств после периода интенсивного поиска) связана с авторитетным стилем воспитания, что он в свою очередь положительно коррелирует с субъектным благополучием родителей. Наиболее интересным нам

представляется вывод о том, что диффузная родительская идентичность (отсутствие принятия обязательств и отсутствие поиска) связана более высоким уровнем стресса, обусловленного родителем, среди мужчин. Эти данные вполне соответствуют концепции статусов идентичности [13] и пониманию того, что принятие обязательств в родительской сфере существенно влияет на выполнение родительских функций. Характерно, что лица с предрешенной идентичностью в родительской сфере (принятие обязательств без особого поиска) демонстрировали более низкий уровень выполнения родительских функций и более низкий уровень психологического благополучия, чем лица с достигнутой идентичностью [14]. Это свидетельствует о том, что процесс поиска внутри родительской идентичности должен быть также учтен, если мы хотим по-настоящему понять процесс формирования родительской идентичности личности, особенно у мужчин. При этом большинство исследований говорят о том, что поиск информации относительно проблем родительства – чаще всего это удел женщин.

Таким образом, Р. Fadjukoff с соавторами (2016) делают вывод о том, что развитие родительской идентичности может оказывать серьезное влияние на выполнение родительских функций родителем, поскольку она связана с родительским поведением по отношению к детям, вниманием к их эмоциональному состоянию и общему благополучию [11]. Тем не менее эта работа является, вероятно, единственным, в которой родительская идентичность была непосредственно изучена с точки зрения идентичностного статуса личности, определяет круг вопросов, требующих дальнейшей разработки, анализа и исследования.

В нашей стране практически нет других работ, посвященных данной теме. В педагогике введено такое понятие О.С. Донцовой (2014), которая родительскую идентичность определяет через «формирование ответственно-жертвенной супружеской я-концепции, творчески-критическое отношение к самому себе, воспитание чувства долга, ответственной и здоровой половой принадлежности, культуры полового поведения, ориентацию на традиционную патриархальную семью, неприятие философии потребительства» [15], не уточняя, о воспитании ребенка или самовоспитании идет речь. Однако работы Е.Л. Сол-

датовой и И.А. Шляпниковой открывают возможность исследования родительской идентичности через понимание личностных кризисов взрослости [16]. Возможно, следует упомянуть также результаты нашего исследования, описывающего прикладные аспекты изучения родительской идентичности [17].

Однако сложность исследования родительской идентичности в нашей стране обусловлена отсутствием диагностических методик, позволяющих оценить особенности родительской идентичности личности. И если для диагностики типа родительской идентичности можно использовать адаптированную нами в 2013 году методику *Caregiving and Breadwinning Reflected Appraisal Inventory* (Опросник родительской идентичности Дж. Плека), то для изучения процессуальных характеристик родительской идентичности сохраняется необходимость создания диагностического инструментария, который обеспечил бы сравнимость результатов с результатами зарубежных коллег. В этом смысле представляет интерес методика *The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale-Parental Identity (U-MICS-PI)*, которая была создана в 2018 году К. Пиотровски посредством модификации для нужд исследования родительской идентичности часто применимой среди исследователей идентичности методики *The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale* [7]. Методика была переведена и апробирована нами в 2020 году. Методика (в русском варианте Утрехтская шкала исследования процессов родительской идентичности (в модификации К. Пиотровски)) включает 13 утверждений, из которых с первого по пятое описывают процесс принятия обязательств, 6–10-е характеризуют глубокий поиск и 11–13-е – пересмотр обязательств. Испытуемому необходимо выбрать ответ из предложенных вариантов: «совершенно неверно», «неверно», «в чем-то верно / в чем-то неверно», «верно», «совершенно верно». Нами был осуществлен симметричный перевод методики на русский язык, затем с помощью специалистов-филологов был осуществлен обратный перевод для проверки эквивалентности перевода оригиналу.

Выборка и методики исследования

Целью нашей работы были апробация и адаптация англоязычной методики исследования процессов родительской идентичности

личности The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale-Parental Identity (U-MICS-PI), которая была создана в 2018 году К. Питотровски. В апробации опросника приняли участие 82 человека (42 женщины и 40 мужчин) – жители Кемеровской области в возрасте от 25 до 56 лет ($M = 37,12$; $SD = 2,80$), имеющие одного или более ребенка.

Для оценки критериальной валидности нами использовалась методика «Шкала измерения процессов идентичности К. Льюикса».

Статистический анализ данных включал расчет описательных статистик, корреляционный, факторный анализ. Для обработки данных использовались программы Statistica 10.

Результаты исследования и их обсуждение

Конструкторная (факторная) валидность теста, учитывая данные литературы, изучалась нами исходя из предположения о трехфакторной структуре опросника [7].

При этом факторный анализ с вращением *Bi-quartimax normalized*, используемый нами с целью проверки факторной структуры опросника, показал, что в русскоязычной версии при трехфакторной модели доля объясняемой дисперсии составила 92 % (табл. 1).

Таким образом, первый фактор включает в себя следующие утверждения опросника: «Выполнение родительской роли помогает мне чувствовать уверенность в жизни», «Выполнение родительской роли помогает мне верить в себя», «Будучи родителем, я чувствую себя уверенным в себе», «Выполнение родительской роли помогает мне чувствовать

уверенность в будущем» и «Выполнение родительской роли позволяет мне смотреть в будущее с оптимизмом». Данные утверждения согласно автору англоязычной версии являются составляющими шкалы «Принятие обязательств».

Второй фактор включил пункты «Я часто думаю, что лучше было бы вообще не иметь детей», «Я часто думаю, если бы у меня не было ребенка/детей, моя жизнь была бы более интересной», «На самом деле я считаю, что для меня было бы лучше вообще не быть родителем», описывающие шкалу «Пересмотр обязательств», что также согласуется с оригинальной версией опросника.

Третий фактор определяется утверждениями: «Я стараюсь узнать как можно больше о своем ребенке/детях», «Я часто размышляю о своем ребенке/детях», «Я прилагаю много усилий, чтобы постоянно узнавать что-то новое о своем ребенке/детях», «Я часто пытаюсь узнать, что другие люди думают о моем ребенке/детях», «Я часто говорю с другими людьми о своем ребенке/детях», описывающими особенности процесса поиска, что согласуется с оригинальной версией опросника, где эти пункты определяют шкалу «Глубокого поиска».

Предсказуемость ответов на вопросы внутри опросника (т. е. внутренняя согласованность вопросов методики) нами была рассчитана с помощью коэффициента Кронбаха. α -Кронбаха, вычисленные нами как для всей выборки, так и отдельно для выборок мужчин и женщин по данным изучаемого опросника, представлены в табл. 2.

Таблица 1
Table 1

Результаты факторного анализа
Factor analysis data

Вопросы / Items	Фактор 1 / factor 1	Фактор 2 / factor 2	Фактор 3 / factor 3
Выполнение родительской роли помогает мне чувствовать уверенность в жизни Being a parent gives me security in life	0,94*	0,16	0,07
Выполнение родительской роли помогает мне верить в себя Being a parent gives me self-confidence	0,98*	0,06	-0,09
Будучи родителем, я чувствую себя уверенным в себе Being a parent makes me feel sure of myself	0,94*	0,21	0,04
Выполнение родительской роли помогает мне чувствовать уверенность в будущем Being a parent gives me security for the future	0,97*	0,04	-0,13
Выполнение родительской роли позволяет мне смотреть в будущее с оптимизмом Being a parent allows me to face the future with optimism	0,95*	0,05	-0,14

Окончание табл. 1
Table 1 (end)

Вопросы / Items	Фактор 1 / factor 1	Фактор 2 / factor 2	Фактор 3 / factor 3
Я стараюсь узнать как можно больше о своем ребенке/детях I try to find out a lot about my child/children	0,23	0,22	0,86*
Я часто размышляю о своем ребенке/детях I often reflect on my child/children	0,30	0,20	0,86*
Я прилагаю много усилий, чтобы постоянно узнавать что-то новое о своем ребенке/детях I make a lot of effort to keep finding out new things about my child/children	0,19	0,13	0,92*
Я часто пытаюсь узнать, что другие люди думают о моем ребенке/детях I often try to find out what other people think about my child/children	0,22	-0,22	0,87*
Я часто говорю с другими людьми о своем ребенке/детях I often talk with other people about my child/children	0,02	-0,12	0,97*
Я часто думаю, что лучше было бы вообще не иметь детей I often think it would have been better not to have had any children	-0,25	-0,95*	0,15
Я часто думаю, если бы у меня не было ребенка/детей, моя жизнь была бы более интересной I often think that not having a child/children would have made my life more interesting	-0,24	-0,95*	0,08
На самом деле я считаю, что для меня было бы лучше вообще не быть родителем In fact, I believe that it would have been better for me not to have been a parent at all	-0,29	-0,93*	0,14
Общая дисперсия General dispersion	7,13	2,92	1,97
Доля дисперсии Share of dispersion	0,55	0,22	0,15

* значимы при $p \leq 0,01$ / significant at $p \leq 0.01$.Таблица 2
Table 2Внутренняя согласованность адаптированного опросника (α -Кронбаха)
Cronbach's alphas

13 вопросов / 13 items	Вся выборка / All	Мужчины / Men	Женщины / Women
Принятие обязательств / Commitment	0,91	0,90	0,89
Глубокий поиск / In depth exploration	0,87	0,89	0,86
Пересмотр обязательств / Reconsideration of commitment	0,94	0,78	0,95

Представленные в табл. 2 значения позволяют делать вывод о надежности и согласованности методики.

Для оценки операциональной валидности опросника мы провели корреляционный анализ взаимосвязей опросника с оценками опросника «Шкала измерения процессов иден-

тичности К. Льюикса», результаты которого представлены в табл. 3.

Так, шкала «Принятие обязательств» переведенной методики прямо коррелирует с подобной шкалой «Шкалы измерения процессов идентичности К. Льюикса», а также со шкалами «Идентификация с обязательства-

Результаты корреляционного анализа
Correlation analysis data

Утрехтская шкала исследования процессов идентичности – Родительская идентичность К. Пиотровски / Utrecht-Management of Identity Commitments Scale-Parental Identity (U-MICS-PI)	Шкала измерения процессов идентичности К. Льюикса / Dimensions of Identity Development Scale			
	Параметры / Parameters	Принятие обязательств / Commitment making	Идентификация с обязательствами / Identification with commitment	Глубокий поиск / Exploration in depth
Принятие обязательств / Commitment		0,24*	0,34*	0,25*
Глубокий поиск / In depth exploration		0,23*	0,11	0,26*
Пересмотр обязательств / Reconsideration of commitment		-0,29*	-0,39*	-0,01

* значимы при $p \leq 0,05$ / * only significant relationships at $p \leq 0.05$ are presented.

ми», «Глубокий поиск», что согласуется с данными авторов [7].

Глубокий поиск коррелируют со шкалой глубокого поиска шкалы К. Льюикса и, кроме того, со шкалой «Принятие обязательств». Пересмотр обязательств отрицательно взаимосвязан со шкалами «Принятие обязательств» и «Идентификация с обязательствами» [7].

Дисперсионный анализ подтвердил наши предположения о согласованности адаптированной методики с данными методики «Шкала измерения процессов идентичности К. Льюикса». Результаты наглядно представлены на рис. 1 и 2.

Так, если мы рассмотрим распределение параметров всех шкал изучаемой методики в связи с принятием обязательств в методике Льюикса, мы можем отметить, что глубокий поиск и принятие обязательств связаны с этой шкалой прямо, тогда как пересмотр обязательств с ней не связан, что согласуется с принципиальными положениями авторов (см. рис. 1).

Для шкалы идентификации с обязательствами (Льюикс) эти взаимосвязи более выражены (см. рис. 2).

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о приемлемой валидности переведенной методики «Утрехтская шкала исследования процессов родительской идентичности (в модификации К. Пиотровски)» и возможности ее использования на русскоязычной выборке для изуче-

ния процессов родительской идентичности. Методика проста и компактна, а также позволяет исследовать процессуальный аспект родительской идентичности личности, что делает ее интересной для специалистов, работающих в этом направлении исследований.

Обсуждение

Можно сказать, что, хотя проблема идентичности очень актуальна в современном мире и активно исследуется учеными, работ, посвященных родительской идентичности, достаточно мало как во всем мире, так и в России. Немногочисленные исследования показали, что формирование родительской идентичности – это важный параметр процесса развития личности (как субъективно, так и объективно), который может влиять на траекторию личностного развития детей. Хотя идентичность в родительской сфере является настолько же важной, как идентичность в профессиональной сфере или сфере отношений, необходимо отметить отсутствие исследований по формированию родительской идентичности в рамках неозериксоновского процессуального подхода [7].

Несмотря на то, что исследование родительской идентичности находится только на этапе становления, уже сейчас выделяются некоторые тенденции ее изучения: выделение родительской идентичности в отдельную сферу исследования идентичности, понимание того, что, хотя родительство и имеет многочисленные прикладные аспекты в науке

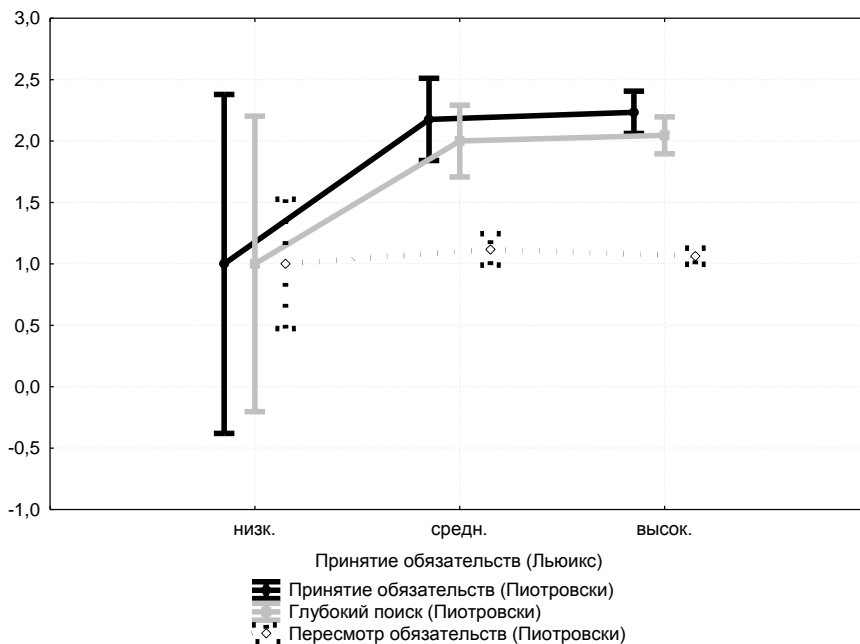

Рис. 1. Результаты дисперсионного анализа для принятия обязательств (Льюикс)
 Fig. 1. ANOVA results for Commitment making

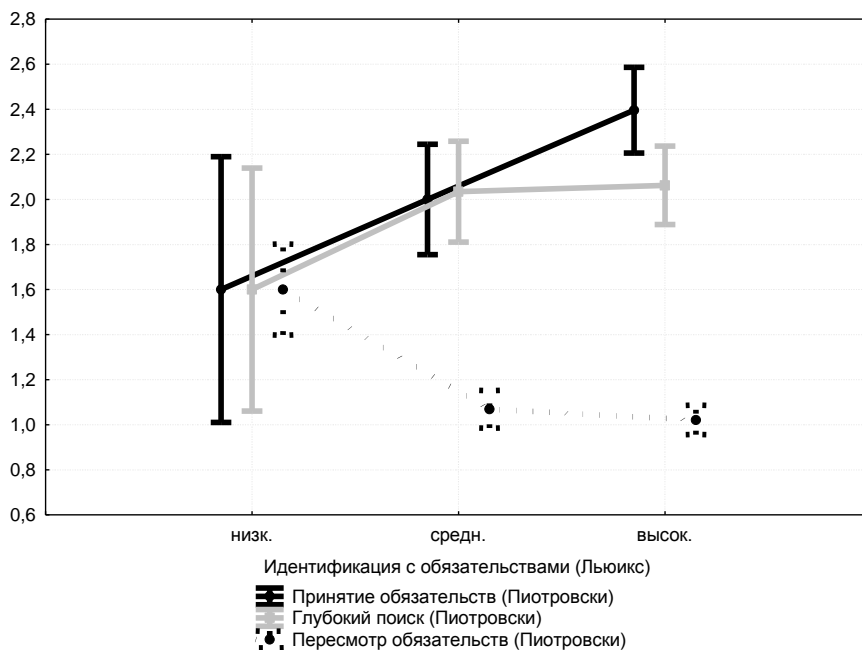

Рис. 2. Результаты дисперсионного анализа для идентификации с обязательствами (Льюикс)
 Fig. 2 ANOVA results for Identification with commitment

и практике, внутренние условия становления родительской идентичности представляют собой значительный интерес, так как определяют все внешние практики родительства, так же как и самочувствие, психологическое здоровье и субъективное переживание благополучия личности. В этом контексте особенно интересным представляются специфические различия родительской идентичности у муж-

чин и женщин. Это та пограничная область между полностью субъективным внутренним миром человека, его экзистенциально-смысловыми ориентирами, временными перспективами жизни, определяющими и/или определяемыми его переживанием собственного тела и совершенно внешними по отношению к нему социальными влияниями, которая остается на этапе накопления эмпири-

ческих данных. В этом контексте переведенная нами методика является актуальным подспорьем для исследователя, так как позволит проводить кросс-культурные исследования в этой области.

Заключение

Результаты апробации позволяют сделать вывод о приемлемой валидности переведенной методики и возможности ее использования на русскоязычной выборке для изучения процессов родительской идентичности личности. Компактность методики не только отвечает современным тенденциям в психодиагностике, но и определяет удобство ее использования в качестве диагностического инструмента для оценки процессов родительской идентичности. Использование данной методики может помочь в сопоставлении отечественных данных с зарубежными исследованиями родительской идентичности.

Конфликт интересов. Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование. Настоящее исследование проведено при поддержке РФФИ в рамках гранта 20-013-00110 А.

Литература

1. Berzonsky M., Kinney A. *Identity Processing Style and Depression: The Mediation Role of Experiential Avoidance and Self-Regulation* // *Identity*. 2019. Vol. 19 (2). P. 83–97. DOI: 10.1080/15283488.2019.1567341.

2. *The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS). Italian validation and cross-national comparisons* / E. Crocetti, S.J. Schwartz, A. Fermani, W. Meeus // *European Journal of Psychological Assessment*. 2010. № 26. P. 172–186. DOI: 10.1027/1015-5759/a000024

3. Hatano K., Sugimura K., Luyckx K. *Do Identity Processes and Psychosocial Problems Intertwine with Each Other? Testing the Directionality of Between- and Within-Person Associations*. *Journal of Youth and Adolescence*. 2019. Vol. 49. P. 467–478. DOI: 10.1007/s10964-019-01182-0

4. *Identity Impairment as a Central Dimension in Personality Pathology* / A. Bogaerts, K. Luyckx, T. Bastiaens [et al.] // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2021.

Vol. 43. P. 33–42. DOI: 10.1007/s10862-020-09804-9

5. Vosylis R., Erentaitė R., Crocetti E. *Global Versus Domain-Specific Identity Processes: Which Domains Are More Relevant For Emerging Adults?* // *Emerging Adulthood*. 2018. Is. 6 (1). P. 32–41. DOI: 10.1177/2167696817694698 5.

6. Maurer T.W., Pleck J.H., Rane T.R. *Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics* // *Journal of Marriage and the Family*. 2001. № 63 (2). P. 309–321. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2001.00309.x

7. Piotrowski K. *Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain* // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2018. Vol. 59 (2). P. 157–166. DOI: 10.1111/sjop.12416

8. *A review and integration of three key components of identity development: Distinctiveness, coherence, and continuity* / L. Van Doeselaar, A.I. Becht, T.A. Klimstra, W.H.J. Meeus // *European Psychologist*. 2018. Vol. 23 (4). P. 278–288. DOI: 10.1027/1016-9040/a000334

9. *Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders* / M. Verschueren, K. Luyckx, E.A. Kaufman et al. // *European Eating Disorders Review*. 2017. Vol. 25 (1). P. 26–35. DOI: 10.1002/erv.2487

10. Williams S.K., Kelly F.D. *Relationships among involvement, attachment, and behavioral problems in adolescence: Examining father's influence* // *Journal of Early Adolescence*. 2005. Vol. 25 (2). P. 168–196. DOI: 10.1177/0272431604274178 8

11. *Parental identity and its relation to parenting and psychological functioning in middle age* / P. Fadjukoff, L. Pulkinen, A-L. Lyra, K. Kokko // *Parenting: Science and Practice*. 2016. Vol. 16 (2). P. 87–107. DOI: 10.1080/15295192.2016.1134989

12. Marcia J.E. *Identity and psychosocial development in adulthood* // *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2002. Is. 2 (1). P. 7–28. DOI: 10.1207/S1532706XID0201_02

13. *Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style* / J.R. Peters, T.A. Eisenlohr-Moul, B.T. Upton et al. // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2017. Is. 39. P. 456–466. DOI: 10.1007/s10862-017-9594-x

14. Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth // *Europe's Journal of Psychology*. 2017. Is. 13 (3). P. 417–440. DOI: 10.5964/ejop.v13i3.1327

15. Донцова О.С. Понятие родительской идентичности // *Педагогический журнал*. 2014. № 6. С. 10–24. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22872770>

16. Солдатова Е.Л., Шляпникова И.А. Связь эго-идентичности и личностной зрелости // *Вестник ЮУрГУ. Серия Психология*. 2015. Т. 8, № 1. С. 29–33. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23211412>

17. Борисенко Ю.В. Семейные условия формирования родительской идентичности личности в современном мире // *Вестник КемГУ*. 2015. Т. 3, № 3 (63). С. 93–98. <https://elibrary.ru/item.asp?id=24305918>

Борисенко Юлия Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры акмеологии и психологии развития, Институт образования, Кемеровский государственный университет (Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6), evseenkova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5218-2841

Поступила в редакцию 18 сентября 2020 г.; принята 21 декабря 2020 г.

DOI: 10.14529/jpps210202

ADAPTATION OF THE UTRECHT MANAGEMENT OF IDENTITY COMMITMENTS SCALE-PARENTAL IDENTITY (U-MICS-PI MODIFIED BY K. PIOTROWSKI)

Yu. V. Borisenko, evseenkova@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5218-2841
Kemerovo State University (6 Krasnaya Str., Kemerovo, Kemerovo Region, 650000, Russian Federation)

Abstract. We present the results adaptation of “The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale-Parental Identity (U-MICS-PI)”, modified in 2018 by Konrad Piotrowski. **Materials and methods.** The study involved 82 participants: 42 women and 40 men aged 25 to 56 years ($M = 37.12$; $SD = 2.80$). The results of U-MICS-PI were compared to the results of “Dimensions of Identity Development Scale (DIDS)”. **Results.** The statistic analysis of the data let us conclude that Russian version of U-MICS-PI has been shown to be a generally valid and reliable psychometric technique for assessing parental identity processes. **Conclusions.** The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale-Parental Identity (U-MICS-PI) has been successfully translated and adapted on a Russian sample. The scale can be applied in psychological counseling and for further identity-related research.

Keywords: *identity, parental identity, measures, U-MICS-PI.*

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. This study was supported by the RFBR under grant 20-013-00110 A.

References

- Berzonsky M., Kinney A. Identity Processing Style and Depression: The Mediational Role of Experiential Avoidance and Self-Regulation. *Identity*. 2019; 19 (2): 83–97. DOI: 10.1080/15283488.2019.1567341.
- Crocetti E., Schwartz S.J., Fermani A., Meeus W. The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS). Italian validation and cross-national comparisons. *European Journal of Psychological Assessment*. 2010; 26: 172–186. DOI: 10.1027/1015-5759/a000024
- Hatano K., Sugimura K., Luyckx K. Do Identity Processes and Psychosocial Problems Intertwine with Each Other? Testing the Directionality of Between- and Within-Person Associations. *J Youth Adolescence*. 2020; 49: 467–478. DOI: 10.1007/s10964-019-01182-0

4. Bogaerts A., Luyckx K., Bastiaens T. et al. Identity Impairment as a Central Dimension in Personality Pathology. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2021; 43: 33–42. DOI: 10.1007/s10862-020-09804-9
5. Vosylis R., Erentaitė R., Crocetti E. Global Versus Domain-Specific Identity Processes: Which Domains Are More Relevant For Emerging Adults? *Emerging Adulthood*. 2018; 6 (1): 32–41. DOI: 10.1177/2167696817694698
6. Maurer T.W., Pleck J.H., Rane T.R. Parental identity and reflected appraisals: Measurement and gender dynamics. *Journal of Marriage and the Family*. 2001; 63 (2): 309–321. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2001.00309.x
7. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain. *Scandinavian Journal of Psychology*. 2018; 59 (2): 157–166. DOI: 10.1111/sjop.12416
8. van Doeselaar L., Becht A.I., Klimstra T.A., Meeus W.H.J. A review and integration of three key components of identity development: Distinctiveness, coherence, and continuity. *European Psychologist*. 2018; 23 (4): 278–288. DOI: 10.1027/1016-9040/a000334
9. Verschueren M., Luyckx K., Kaufman E.A. et al. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders. *European Eating Disorders Review*. 2017; 25 (1): 26–35. DOI: 10.1002/erv.2487
10. Williams S.K., Kelly F.D. Relationships among involvement, attachment, and behavioral problems in adolescence: Examining father's influence. *Journal of Early Adolescence*. 2005; 25 (2): 168–196. DOI: 10.1177/0272431604274178
11. Fadjukoff P., Pulkinnen L., Lyyra A-L., Kokko K. Parental identity and its relation to parenting and psychological functioning in middle age. *Parenting: Science and Practice*. 2016; 16 (2): 87–107. DOI: 10.1080/15295192.2016.1134989
12. Marcia J.E. Identity and psychosocial development in adulthood. *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2002; 2 (1): 7–28. DOI: 10.1207/S1532706XID0201_02
13. Peters J.R., Eisenlohr-Moul T.A., Upton B.T. et al. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2017; 39: 456–466. DOI: 10.1007/s10862-017-9594-x
14. Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth. *Europe's Journal of Psychology*. 2017; 13 (3): 417–440. DOI: 10.5964/ejop.v13i3.1327
15. Dontsova O.S. The concept of parental identity. *Pedagogicheskii zhurnal = Pedagogical Journal*. 2014; 6: 10–24. (in Russ.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=22872770>
16. Soldatova E.L., Shlyapnikova I.A. Correlation between ego-identity and maturity of personality. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Psikhologiya = Bulletin of South Ural State University. Series Psychology*. 2015; 8 (1): 29–33. (in Russ.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=23211412>
17. Borisenko Yu.V. Family factors of parent identity development in the modern world. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*. 2015; 3 (63): 93–98. (in Russ.). <https://elibrary.ru/item.asp?id=24305918>

Received 18 September 2020; accepted 21 December 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Борисенко, Ю.В. Адаптация методики The Utrecht-Management of Identity Commitments Scale-Parental Identity (U-MICS-PI) для исследования процессов родительской идентичности / Ю.В. Борисенко // Психология. Психофизиология. – 2021. – Т. 14, № 2. – С. 17–26. DOI: 10.14529/jpps210202

FOR CITATION

Borisenko Yu.V. Adaptation of the Utrecht Management of Identity Commitments Scale-Parental Identity (U-MICS-PI Modified by K. Piotrowski). *Psychology. Psychophysiology*. 2021, vol. 14, no. 2, pp. 17–26. (in Russ.). DOI: 10.14529/jpps210202